

А. А. Пономарева

Новосибирск, Россия

**«СЛАБЫЙ ГЕРОЙ – СИЛЬНАЯ ГЕРОИНЯ»
В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 1850-Х ГОДОВ:
СЮЖЕТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В настоящей статье речь идет о сюжете, где основными действующими лицами являются *слабый герой* и *сильная героиня*. Сюжет, распространенный в русской литературе середины XIX в., имеет западноевропейское происхождение. Рассматриваются процесс транспонирования западноевропейского сюжета в русскую литературу, закономерности его ассимиляции, определяются типологические свойства, а также обозначаются варианты. В итоге делается вывод о том, что изучаемый сюжет образуется в результате заимствования характерологической оппозиции *слабый мужчина – сильная женщина*, наиболее ярко представленной в романе Жорж Санд «Жак». Данные характерологические типы в процессе транспонирования соединяются с такими типами, как Татьяна Ларина и Евгений Онегин. В результате сюжетная схема, в которой раскрывается слабость героя и, напротив, сила героини в источнике, соединяется с сюжетным кодом «Евгения Онегина». Контаминация сюжетных клише приводит к образованию оригинального сюжета и обновлению сюжетного репертуара русской литературы.

Ключевые слова: сюжет, сюжетная ситуация, беллетристика, русская повесть 1850-х годов, характерологическая оппозиция, сюжетный код.

Сюжет, где основными действующими лицами являются *слабый герой – сильная героиня*¹, имеет западноевропейское происхождение. Его источником является проза Жорж Санд. Задачи настоящего исследования состоят в выявлении зако-

¹ Материалом для настоящей статьи послужили следующие повести: А. Я. Марченко «Тени прошлого» (1850), «Вокруг да около» (1855), «Горы» (1856), «Саламандра» (1859), Е. Тур «Две сестры» (1851), С. В. Энгельгардт «Деревня» (1853), «Суженого конем не объедешь» (1854).

Пономарева Анастасия Александровна – аспирантка Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилейская, 28, Новосибирск, 630124, Россия, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)

номерностей ассимиляции заимствованного сюжета в русской литературе, определении его типологических свойств и обозначении вариантов.

Анализ беллетристики позволяет сделать вывод о том, что исследуемый сюжет входит в сюжетный репертуар русской литературы в 1850 г.² Он образуется в процессе заимствования характерологической оппозиции *слабый мужчина – сильная женщина*, наиболее ярко представленной в романе Жорж Санд «Жак», популярном в России³. В процессе ассимиляции эти типы продуцируют особый сюжетный рисунок.

Заимствованные характерологические типы в процессе транспонирования в новую литературную систему сближаются с типами, сформировавшимися внутри этой системы и координирующими с ними по некоторым основаниям. Сильная женщина, воплощением которой представлена Сильвия, в процессе переноса сближается с Татьяной Лариной. В результате этого ироничная оценка жоржсандовского типа, сформировавшаяся в русской культуре 1830–1840-х гг.⁴, нивелируется. Так, например, героиня повести Е. Тур «Две сестры» типологически близка Сильвии: она, как и жоржсандовская героиня, незамужняя девушка, уединенно живущая в собственном доме. Свободное от домашних занятий время она посвящает чтению полезной литературы. Создавая образ просвещенной, независимой женщины, Е. Тур подчеркивает отличие героини от ее литературных предшественниц. Первичная характеристика девушки принадлежит ее другу, соседу по даче. Описывая жизнь героини, он подчеркивает ее просвещенность, независимость. Однако вторая характеристика, ответ на представленное описание в духе Ж. Санд, включает иронию, выраженную цитатой из «Евгения Онегина»: «Не дай мне бог сойтись на бале / Иль при разъезде на крыльце / С семинаристом в желтой шале / Иль с академиком в чепце» [3, с. 59]. Нивелирование иронического подтекста происходит в результате введения в характеристику героини свойств Татьяны Лариной. Наряду с такими свойствами, как просвещенность, независимость, появляются и такие, как молчаливость, задумчивость, одиночество.

² По нашим наблюдениям, в 1850-м году публикуется одна из первых повестей, в которой появляется герой, обладающий слабым характером, и героиня, представляющая собой его противоположность, – повесть А. Я. Марченко «Тени прошлого».

³ Собранные О. Б. Кафановой и М. В. Соколовой отзывы критики о творчестве Ж. Санд в России позволяют сделать заключение о том, что в 1850-е гг. наиболее популярными являются романы «Жак» и «Луcretia Флориани». В отзывах, в которых речь идет о характерологической оппозиции *слабый мужчина – сильная женщина*, упоминание о романе «Жак» отсутствует. В памяти культуры герои жоржсандовского типа – «сильная» женщина и «сильный» мужчина. Так, типологическими свойствами героя, как отмечает О. Б. Кафанова и М. В. Соколова, являются демократизм, гуманное отношение к окружающим, альтруизм, эстетическое развитие, уважение прав женщин, типологическими свойствами героини – гордость, врожденное чувство собственного достоинства и независимость от общепринятых норм поведения [1, с. 18–19]. Однако именно в этом романе, популярном в России в 1850-е гг., ярко представляется оппозиция *слабый мужчина – сильная женщина* (Октав – Сильвия).

⁴ Ироничная оценка творчества Ж. Санд выражена в критике и беллетристике 1830–1840-х гг. Например, в этот период появляется такой роман, как «Земной ангел, или Своенравие: Род романа» Александры С*** (Библиотека для чтения, 1836), повесть «Женщина-писательница» Н. Вережкина (Библиотека для чтения, 1837), повесть «Герои нашего времени» С. Бурачка (Маяк, 1845), повесть «Милочка» С. П. Победоносцева (Отечественные записки, 1845), комедия М. А. Корсини «Женщина-писательница» (Очерки современной жизни, 1849). В указанных произведениях героиня жоржсандовского типа представляется в иронической модальности. Рецензия творчества Ж. Санд в России данного периода рассматривается О. Б. Кафановой [2].

Контаминация типа жоржсандовской героини с Татьяной Лариной обуславливает сближение слабого героя Ж. Санд с Онегиным. В связи с тем что данные герои обладают «противоположными» свойствами характера, контаминация не происходит, между типами выстраивается сложная система координации. Заимствованный мужской тип в процессе транспонирования встраивается в русскую характерологическую парадигму, основанную на изображении *героя времени*⁵. Тип слабого мужчины, заимствованный из французского романа и перенесенный в русскую парадигму, становится его новым вариантом. В связи с этим в беллетристике он приобретает свойства, присущие данному метатипу⁶.

В процессе транспонирования в русский контекст характерологической оппозиции *слабый мужчина – сильная женщина* происходит изменение сюжетных кодов, связанных с ней. В пре-тексте жоржсандовский сюжетный код представляется так: сильная героиня, перестав любить слабого героя, покидает его (героиня – любовница молодого человека), не сообщая о том, куда она уезжает; молодой человек, потеряв героиню, начинает искать ее. Сюжетная схема, в которой раскрывается сила героини и слабость героя в источнике, сложным образом соединяется с сюжетным кодом, связанным с теми типами, с которыми координируют заимствованные характеры в процессе ассимиляции. В новом контексте сюжетный код, связанный с оппозицией *слабый мужчина – сильная женщина*, соединяется с сюжетным кодом «Евгения Онегина».

В связи с тем что код пушкинского романа в стихах выступает продуцирующей основой при генерировании нового сюжета, связанного с заимствованной оппозицией, необходимо обозначить его ядерные элементы.

Анализ беллетристики показывает, что одним из ядерных элементов кода «Евгения Онегина» являются сюжетные ситуации *отвергнутое признание*⁷ (признание героини в любви герою) и *встреча после отвергнутого признания*. Сюжетная ситуация *отвергнутое признание* включает в себя такие события, как приезд героя в усадьбу; знакомство с героиней (соседкой); признание героини герою в любви (свидание в саду); решительное объяснение героев; отъезд героя из усадьбы. Сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания* содержит следующие события: встреча героя с отвергнутой им героиней (спустя несколько

⁵ А. И. Журавлева, изучая Печорина и печоринство в литературе и жизни 1840–1850-х гг., отмечает, что центральной задачей русской литературы XIX в. является создание облика нового русского человека. Так, первыми вариантами становятся герои «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени». Формула, введенная М. Ю. Лермонтовым, «входит в культурное сознание как идиома» [4, с. 213; 5].

⁶ *Герой времени* становится в русской литературе художественным метатипом. Он характеризуется «1) обобщенностью, доведенной до уровня формализации и переводящей первообраз из системы речи (текста) в систему языка; 2) соотносительностью с социально-психологическими и культурными типологическими рядами; 3) устойчивостью, поддерживаемой памятью культуры и бытованием в сфере “коллективного сознательного”» (свойства метатипа выделены Н. Е. Меднис и Т. И. Печерской [6, с. 11]). Основу данного метатипа составляют свойства Евгения Онегина и Печорина. Так, В. Г. Белинский одним из первых отмечает, что герои А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова составляют один тип. Аналогичное размышление встречается в развернутом предисловии к роману М. В. Авдеева «Тамарин». Возведение типов *лишнего человека*, *слабого человека*, *обломовца* к Евгению Онегину и Печорину, данное в критике 1850–1880-х гг. (см., например, статьи Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», 1858; П. В. Анненкова «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”», 1858; Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», 1859), подтверждает мысль о том, что *герой времени* может быть назван метатипом.

⁷ Такое название сюжетной ситуации приводится Т. И. Печерской и Е. К. Никаноровой в «Указателе фабульных схем и мотивов русской классической литературы» [7, с. 118].

лет); ухаживания героя за героиней; объяснение героев. Основным механизмом транспонирования данного элемента онегинского кода в беллетристике связан с переносом и упрощением его структуры: «фабульный каркас» сюжетных ситуаций «кристаллизуется», сочетание их компонентов отвердевает.

В беллетристике названные элементы кода функционируют по-разному. Выявлено два основных варианта.

1. Сюжетная ситуация *отвергнутое признание* становится «автономной» и сюжетообразующей. В результате этого она приобретает центростремительный характер: вектор ее развития устремляется к объяснению героев, прочие события (приезд героя в усадьбу, знакомство с помещичьим обществом и, в частности, семьей / знакомыми героини) лишь подготавливают его появление. Развитие этой сюжетной ситуации связывается с пространством усадьбы. Объяснение героев неизменно происходит вечером в саду / парке. Взаимосвязь сюжетной ситуации *отвергнутое признание* с локусом усадьбы приводит, в частности, к тому, что эта сюжетная ситуация становится ядром сюжетного репертуара «усадебной литературы»⁸.

2. Сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания* функционирует в сочетании с сюжетной ситуацией *отвергнутое признание*. В сюжете данные сюжетные ситуации развиваются последовательно. В зависимости от задачи повести акцент делается на первой или второй сюжетной части. Как правило, сюжетная ситуация *отвергнутое признание* выступает необходимым, но второстепенным по отношению к развивающемуся сюжету элементом, чаще всего составляет его экспозицию; акцент делается на сюжетной ситуации *встреча после отвергнутого признания*.

В основе сюжета *слабый герой – сильная героиня* лежат элементы сюжетной ситуации *отвергнутое признание*, при этом элементы жоржсандовского кода опускаются. Введение заимствованной характерологической оппозиции в онегинскую сюжетную ситуацию обуславливает изменение ее семантики. В результате в отдельных контекстах сюжетная ситуация *отвергнутое признание* становится синонимичной западноевропейскому сюжету.

Начальную границу анализируемого сюжета составляет приезд светского молодого человека в поместье / на дачу. Дальнейшее развитие событий традиционно для онегинской сюжетной ситуации: герой знакомится с девушкой, живущей в усадьбе. Как и Татьяна Ларина, героиня одинока. Ее одиночество приобретает в сюжете социальные мотивировки: как правило, девушка – сирота / дочь обедневшего дворянина / бедная гостья в состоятельной семье. Героиня влюбляется в светского молодого человека. Это «онегинское» положение в сюжете *слабый герой – сильная героиня* получает новое развитие. В отличие от Онегина герой ухаживает за героиней и в результате добивается ее любовного признания.

Ядерный элемент рассматриваемого сюжета – объяснение героев в любви. Чаще всего свидание происходит летним вечером в саду / парке. Как и Татьяна Ларина, девушка рассказывает молодому человеку о своих чувствах. Дальнейшее развитие вариативно: герой, отвергнув любовное признание героини, покидает ее / герой, признавшись в любви, начинает ухаживать за другой / герой по воле героини женится на другой. Во всех случаях «онегинское» положение наделяется новой семантикой, обусловленной контаминацией с западноевропейским кодом: в нем раскрывается сила героини и, напротив, слабость героя. Изменение семантики ядерного элемента «онегинской» сюжетной ситуации влечет за собой изме-

⁸ См. подробнее работу В. Г. Щукина об «усадебной» беллетристике, в основе которой лежит пушкинско-тургеневский сюжет [8].

нение ее сложившейся структуры, происходит актуализация *возможных сюжетов* пушкинского романа в стихах. Сюжетным потенциалом обладают те, которые связаны с любовной коллизией, намеченной в «Евгении Онегине».

Так, в повести С. В. Энгельгардт «Деревня» актуализуется возможный поворот, намеченный в четвертой главе «Евгения Онегина»⁹. Герой повести, в отличие от Онегина, отвечает взаимностью на признание девушки, несмотря на то что не испытывает к ней чувств. В результате *онегинский сюжет* перестраивается в сюжет соблазнения. Признание героини происходит ночью в саду. Светский молодой человек, в характеристике которого подчеркнута его искушенность в любви, вынуждает девушку, начитавшуюся любовных романов, объясниться с ним. Однако намеченный сюжет соблазнения не получает развития, поскольку слабый герой не соответствует роли соблазнителя. Финал любовной коллизии мелодраматичен: молодой человек, сожалея о сделанном признании, начинает ухаживать за другой девушкой.

Начальную границу сюжета повести Е. Тур «Две сестры», как и повести «Деревня», составляет приезд героя в усадьбу, знакомство с героиней. Традиционное «онегинское» положение развивается по-новому. Герой, наделенный слабым характером, влюбляется в сильную девушку и делает предложение. Как и в повести С. В. Энгельгардт, в повести Е. Тур актуализуется возможный сюжет «Евгения Онегина». В рассматриваемом случае – *соперничество сестер в любви*¹⁰. Этот сюжет развивается по модели, сформировавшейся в беллетристике 1850-х гг.¹¹: младшая сестра, не зная о чувствах старшей, влюбляется в молодого человека, возлюбленного сестры. В отличие от тех вариантов сюжета, которые сформировались в беллетристике, в рассматриваемом контексте в данном положении раскрывается сила героини и, напротив, слабость героя. Молодой человек, зная о чувствах девушки, не сбегает от нее, но, подчинившись ее сильному характеру, женится против собственного желания на другой. Разрешение сюжетной коллизии драматично, оно будто служит иллюстрацией к словам Татьяны, княгини N, в восьмой главе. Сильная героиня, подобно пушкинской Татьяне, отказывается от личного счастья, близкого и возможного, из чувства долга: она устраивает свадьбу сестры с возлюбленным и уезжает в Крым.

Наравне с обозначенными выше вариантами в беллетристике встречаются и такие, в которых представлено традиционное разрешение любовной коллизии: герой отвергает признание героини и уезжает из усадьбы. Однако в данном случае наблюдается изменение семантики компонентов: в «русском» варианте отъезд становится проявлением не силы героини, как в сюжете пре-текста, но слабости героя. Например, в повести А. Я. Марченко «Тени прошлого» одну из частей сю-

⁹ Здесь мы имеем в виду возможный поворот, намеченный в следующем фрагменте «Евгения Онегина»: «И вспомнил он Татьяны милой / И бледный цвет и вид унылой; / И в сладостный, безгрешный сон / Душою погрузился он. / Быть может, чувствий пыл старинный / Им на минуту овладел; / Но обмануть он не хотел / Доверчивость души невинной» [3, с. 68].

¹⁰ Сюжетная ситуация *соперничество сестер в любви* входит в основной вариант романа в стихах в качестве возможного сюжета: «Его нежданным появленьем, / Мгновенной нежностью очей / И странным с Ольгой поведеньем / До глубины души своей / Она проникнута; не может / Никак понять его; тревожит / Ее ревнивая тоска, / Как будто хладная рука / Ей сердце жмет, как будто бездна / Под ней чернеет и шумит...» [3, с. 120].

¹¹ Сюжетная ситуация *соперничество сестер в любви* частотна в беллетристике 1850-х гг. Приведем некоторые повести, содержащие ее: П. Сумароков «Лицо и изнанка», В. А. Вонлярлярский «Две сестры», Е. Тур «Две сестры» и «Заколдованный круг», Лейла «Кандидатки на звание старых дев». Данная сюжетная ситуация содержится также в романах Е. Тур «Племянница» и Лейлы «Мачеха».

жета составляет сюжетная ситуация *отвергнутое признание*. Начальная граница традиционна: герой, совершив путешествие в Одессу, приезжает в деревню и знакомится с дочкой управляющего. Вскоре между ними завязывается роман. Подробное развитие получает ядерное «онегинское» положение – свидание влюбленных, на котором героиня признается герою в любви и рассказывает ему о том, что ее отец догадался об их чувствах. Последующее расставание получает в повести определенную мотивировку: молодой человек пугается сильных чувств героини и уезжает из усадьбы. Девушка, поставленная в положение Татьяны Лариной, когда для нее «все были жребии равны», соглашается выйти замуж за знакомого отца. Она не отказывается от своего слова даже после того, как понимает, что будущий муж – жалкий, недостойный человек. Эпилог составляет сюжетная ситуация *встреча после отвергнутого признания*: заехав в деревню по пути в Одессу, герой встречает умирающую героиню, несчастную в семейной жизни; он не решается подойти к ней и сбегает. Введение данной сюжетной ситуации обусловлено не фабульной необходимостью. Герой поставлен в это положение затем, чтобы мог полнее раскрыться его слабый характер.

Итак, анализ процесса ассимиляции заимствованного сюжета в русской литературе дает возможность сделать некоторые выводы о закономерностях «работы» беллетристики с «чужим» материалом. Вторичная литературная природа проявляется в очевидной ориентации на произведение популярной в России французской писательницы, тиражировании ее «находок». При этом не менее популярный онегинский сюжет не только не уходит из поля зрения беллетристов, но сохраняет свои сюжетогенные свойства, становится основой для «усвоения» и дальнейшей трансформации сюжетов Жорж Санд. Использование «чужого» материала (сюжетных и характерологических клише) сопряжено с процессами его творческого преобразования. В результате этого открывается способность беллетристики к генерированию нового и обновлению литературы.

Список литературы

1. Кафанова О. Б., Соколова М. В. Жорж Санд в России. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). М.: ИМЛИ РАН, 2005.
2. Кафанова О. Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность). 1830–1860 гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998.
3. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 4.
4. Журавлева А. И. Печорин и печоринство в 1840–1850 годы // Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 213–226.
5. Журавлева А. И. Создание романного героя: «герой времени» // Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 62–81.
6. Меднис Н. Е., Печерская Т. И. Метатип в системе памяти культуры // Критика и семиотика. 2010. № 14. С. 8–16.
7. Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Указатель фабульных схем и мотивов русской классической литературы // Печерская Т. И., Никанорова Е. К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 80–141.
8. Щукин В. Г. Усадебный текст русской литературы // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 316–365.

A. A. Ponomareva

Novosibirsk, Russian Federation

**«THE LOOSE HERO – THE INTENSE HEROINE»
IN FICTION OF THE 1850TH: THE PLOT ASPECT**

The article contains a detailed analysis of the plot *the loose man – the intense woman*, which has the West European origin. The article features the process of the transposition of the West European plot in the Russian Literature, regularities of the assimilation, defines typological features as well as denotes variants. The article draws a conclusion that this plot is made as a result of the adoption of the characterological opposition *the loose man – the intense woman* presented at novel «Zhak» by Zh. Sand. This characterological types unite with such types as T. Larina and E. Onegin. As a result the plot situation connected with the characterological opposition *the loose man – the intense woman* contaminates with the plot code of «Eugenie Onegin». The contamination of the plot cliché determines the formation of the original plot and of the renovation of the plot system of the Russian literature.

Keywords: plot, plot situation, Russian Literature of the 1850th, characterological opposition, plot code, narrative story.

Ponomareva Anastasia A. – Aspirant of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyujskaya Str., Novosibirsk, 630124, Russian Federation, anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru)